

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЖАНРОВО- СТИЛЕВЫЕ СИСТЕМЫ

И.О. МАРШАЛОВА

УДК 821.161.1-1(Белый А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

«ПРОСЫПАЮЩАЯСЯ РОССИЯ»? («выход к русской теме» в статье «Луг зеленый» и поэтическом цикле «Россия» А. Белого)

Аннотация. Специфика восприятия и осмысления А. Белым «русской темы» в жизнеутверждающей статье «Луг зеленый» и глубоко трагическом по звучанию поэтическом цикле «Россия» обусловлена несколькими причинами. Мемуарные, литературно-критические источники свидетельствуют в пользу устойчивого мнения современников об острых противоречиях натуры художника, психологическом диссонансе личности, которые зачастую определяли быструю смену его суждений и влияли на восприятие действительности как крайне неустойчивой, раздираемой противоречиями, губительной для человека. Однако острое ощущение всеобщего кризиса в работах Белого вызвано и непосредственным столкновением с жизненными реалиями, среди которых – цепь трагических событий 9 января 1905 года, так называемого «Кровавого воскресения», воспринятого писателем в качестве «кровавой прелюдии» бесповоротных катастрофических перемен нового XX в. В этой связи ярко выраженным атрибутом хаотичного, губительного кружения жизни становится повторяющийся в цикле «Россия» эпитет «косматый», а также лейтмотивные образы вихря, роения, наконец, смерти, угрожающие расправой всему живому и мыслящему. Наряду с пугающими образами-символами «России» возникает в «Лу-ге зеленом» иное понимание общественной жизни, одухотворённой творчеством, и рождается женственный образ Красавицы («Жены, облаченной в солнце»), вбирающей в себя и образ России, и людское общество, пробуждающееся ото сна, векового дурмана к неизведанной, обновлённой, чистой жизни.

Ключевые слова: А. Белый, «Луг зеленый», цикл «Россия», «косматый», Красавица, общество – машина

«Верю в Россию. Она – будет. Мы – будем. Будут люди. Будут новые времена и новые пространства. Россия – большой луг, зеленый, зацветающий цветами.

Когда я смотрю на голубое небо, я знаю, что это – небо моей души. Но еще полней моя радость от сознания, что небо моей души – родное небо. Верю в небесную судьбу моей родины, моей матери» [Белый 1994: 333], – писал А. Белый в статье «Луг зеленый», впервые опубликованной в № 8 символистского журнала «Весы» за 1905 г. А вот отрывок из стихотворения «Бурьян», созданного между 1905 и 1908 гг. и занимающего одно из центральных (композиционно и идейно-тематически) мест в цикле стихов «Россия»¹:

*Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет.
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.*

<...>

*Метется за ним по деревни
Ликует – танцует ресье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растрепанное грязью тресье.*

*Ждут: голод да холод – ужотко;
Тюрьма да сума впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!*

[Белый 1990: 100–101]

Великая надежда на «зацветающий цветами» зелёный луг, зародившаяся на страницах в целом оптимистической статьи Белого, иссякает в лирическом творении, оборачивается великой скорбью и ужасом перед лишениями и тяготами жизни, притупить боль от которых

¹ Цикл «Россия» – первый из семи циклов сборника «Пепел» (1908): «Пространство “Пепла” – это система вписанных друг в друга кругов, все более и более сжимающихся по мере приближения к “центру”. Первый “круг”, самый большой, – почти что безграничные, “пустые”, “страшные”, голодные пространства России, в которых обречен на *рассеяние* измученный болезнями, голодом и пьянством народ...» [Пискунов 1990: 16]. «Россия» открывает сборник и органически входит в единую систему, ядром которой является сквозная тема поэтического собрания – тема хаоса, дисгармонии российской действительности пореволюционных лет. Еще Л.К. Долгополов определил общую тенденцию развития беловской лироэпики 1900-х гг. как неизбежный и закономерный «выход к русской теме» [Долгополов 1988: 130].

может лишь «огненная вода». «Новые пространства» здесь – губительные, «стерающие» человека в пыль, пепел, прах. И сам человек – слабый и жалкий, весьма заурядный, безнадежный пьяница из харчевни, а никакой не новый, будущий человек.

Поразительно, но так не схожи между собой «Луг зелёный» и цикл «Россия», зародившиеся в творчестве Белого 1900-х гг., что возникает вопрос: что подтолкнуло автора в один и тот же сравнительно небольшой временной период к созданию весьма различных по духу художественных вещей? Причину резких изменений во взглядах, суждениях, поэтических прозрениях Белого, касающихся настоящего и будущего страны и народа, собственного художнического пути, можно увидеть, во-первых, в глубоких противоречиях природы писателя.

В пользу данного предположения свидетельствует наличие внушительного количества мнений о «разных», «несовместимых» Белых среди его современников, часть из которых приводит в работе о символизме Л.А. Сугай: «Разорванность природы, “маски”, несводимые к единому целому противоречивые черты характера, “раздвоение, расщепленность, расплесканность” (Г. Шпет), “незавершенность” внутреннего мира, его “шаткость” (Ф. Степун), несколько “острых углов, из которых складывается причудливый облик” (Е. Замятин), “смесь магистра с фокусником” (М. Волошин) – с такими и подобными им оценками сталкиваешься в большинстве мемуарных зарисовок, воссоздающих интеллектуальный портрет Белого» [Сугай 1994: 10]. В цикле «Россия» мы сталкиваемся с подобной «расщеплённостью» природы лирического героя внутри одного и того же поэтического текста:

*За решеткой в голубом
Быстро ласточки скользили,
Коротал я время сном
В желтых клубах душиной пыли*

[Белый 1990: 102].

В четверостишии из стихотворения «Арестанты» (1904) – две реальности: далёкая, зовущая, цвета неба действительность и пропитанное «душной пылью», скучно-жёлтое житьё. О постоянной принадлежности лирического субъекта двум противоположным мирам говорит монологическая речь одного из арестантов о свободе-несвободе: «Здесь, на воле, меж степей // Вспомним душевные палаты...» [Белый 1990: 102]. Поразительна потребность в «вспоминании» страшного, душевного, мучающего – тюрьмы с «ржавыми решетками» и «неумолчным лязгом цепей». И наоборот:

*Заковали ноги нам
В цепи.*

*Вспоминали по утрам
Стени*

[Белый 1990: 102].

Персонажи лирики Белого принадлежат расколовшемуся на две (и более) части миру, реальности кризисной, двуликой, неустойчивой. В таком восприятии действительности – своеобразии мироощущения самого писателя: «Осознание неслиянности, но и нераздельности разных мелодий души, переплетение многих тем единого симфонического произведения – жизни художника – вот, кажется, истинный ключ к постижению феномена Белого» [Сугай 1994: 10]. Духовную полифонию поэта, а точнее – диссонанс, когда звуки-мысли друг с другом практически «не вяжутся», в статье «Миф русского символизма» подчёркивал В.М. Пискунов: «В разные периоды жизни Белого влекли к себе неокантианцы и антропософы, кадеты и “скифы”, “другие берега” и “Россия, кровью умытая” – “разнобой”, “из вихря в вихрь”, “из тарараха в тарарах”, как любил говорить сам писатель. <...> Собственно, весь Белый – сплошное противоречие, из противоречий рождаются его характер и творчество» [Пискунов 2004: 11].

Однако и в обступающей писателя реальности что-то должно было настолько измениться, чтобы кардинально поменять точку зрения автора, его внутренний настрой и восприятие окружающего мира. Безусловно, эпоха играла определённую, подчас – решающую роль в судьбе и творчестве поэта. В первое 10-е XX в. таким «историческим днем» для Белого стало «Кровавое воскресенье», которое красной линией легло между «двумя» 1905 гг.: лучезарным, исполненным веры в светлое будущее страны и народа, запечатлённым в статье с символично-романтическим заглавием «Луг зеленый», и беспросветным, гибельным временем написания «России», одного из самых трагических по звучанию циклов сборника «Пепел».

Суматоха, испуг, нахождение в гуще событий и некоторая заторможенность восприятия внешних явлений – суть ощущений Белого в данный период: «Восьмого января я сел в поезд; рос рой диких слухов; кричали газеты; лавиной росла забастовка; и все повторяли: Гапон! А девятого утром я был на петербургском перроне; сперва зашел в парикмахерскую; парикмахер: “Сегодня рабочие двинутся; царь примет их; так нельзя больше жить”. Поразил видом Невский; гудело: “С иконами!” Чмокал губами извозчик: “Они, стало, – правы!” На улицах кучки махались: мальчишки – присвистывали; в контур солнечный, красный, повисли дымочки солдатских везде распытившихся кухонь, скрипевших по снегу; солдаты топтались при них. <...>

Условимся: беспорядочный набросок того, что я видел и слышал в исторический день, есть “кино”-снимок – не более, не характеризующий состояния сознания съемщика; про себя я пережил слишком много в те дни; пережитое лежало где-то глубоко: под спудом; оно поднималось к порогу сознания в месяцах, определяя характер мироощущения лет...» [Белый 2004: 210–211]. Можно с определенной долей уверенности предположить, что «дымочки солдатских кухонь» – это тот нарождающийся «косматый, далекий дымок», в цикле «Россия» получивший поистине грозное звучание, предвещающий недоброе впереди².

Удивительно внутреннее чутье Белого, умеющего предугадывать важное, опережать в главном. 2 октября 1905 года А. Блок писал А. Белому: «Я изумился, читая “Зеленый луг”. Дело в том, что все это время я писал статью, в которой последняя глава называется “Зеленые луга”» [Блок 1964: 135]. А в записной книжке Блока (начало июня 1905 г.) читаем: «Зеленые луга... Ай! Боря уже написал в “Весях” (№ 8)» [Блок 1965: 70]. Понятно удивление и смятение А. Блока, ведь в этой статье А. Белый высказал чаемую многими идею возрождения России, «указал» возможные пути преодоления всеобщего кризиса.

С позиции абсолютной ценности человеческой жизни в «Луге зеленом» выдвинуты противопоставления прекрасного / безобразного, спасительного / губительного: «Общество может рассматриваться как мировая машина, проглатывающая всякую личность, не давая ей взамен ничего, что могло бы быть равноценным личности» [Белый 1994: 328]. «Грохочущий город», деревня, где «встречают дни за днями: ничего не ждут» в цикле «Россия» – это и есть тысячи и тысячи «проглоченных», замученных, задавленных жизнью. Стихи данного раздела «Пепла» – поэма скорби о беспросветности и роковой повторяемости

² У Белого особенно ярко выраженным атрибутом хаотичного, смертоносного кружения жизни является повторяющийся в цикле «Россия» эпитет «косматый»:

Косматый, далекий дымок.

Косматые в даях деревни.

Туманов косматый поток.

Просторы голодных губерний

[Белый 1990: 105].

«Косматый» в поэтической системе художника, или – «косматость», – та окончательная громадная масса (слагаемое) ледяного, злого, «железного», вбирающая в себя всё роковое, всё неведомое, всё враждебное, что как бы разрослось в небе России, разошлось по её необъятным пространствам, неся несчастному, забитому, но лютому в ненависти, непредсказуемому народу, обживающему российские дали, жуть, страх, бред, безумие, голод, мор...

жизни, о человеке, несчастном до бесчувствия и до которого также никому нет дела.

И только творчество, приравненное в эстетике символизма (шире – модернизма) к миссионерской деятельности по пересозданию жизни, и Поэт – выразитель внеземных, божественных истин, призваны изменить мир к лучшему, воссоздать новую реальность. Отсюда возникает в «Луге зеленом» иное понимание общества, определение его как одушевленного существа, сверхразумного индивидуального организма – «Жены, облаченной в солнце»³. Красной нитью проходит в творчестве Белого этот женственный образ, эмоционально-нравственная категория, столь характерная для мироощущения и миропонимания младосимволистов. Это для них – «прежняя культура исчерпала себя», однако «конец цикла мировой истории это не предвестие торжества хаоса (как переживало рубеж столетий старшее поколение символистов), а символ грядущего преображения мира, нового богоявления, преддверие новой жизни в Вечности. <...> Для них художник не только творец образов, но и демиург, создающий миры; новое искусство в основе своей религиозно, это теургия-магия, с помощью которой можно изменить ход событий, “заключить хаос”, подчинить себе при помощи слов» [Сугай 1994: 5].

Так рождается сказка Белого о Красавице, гоголевской Катерине, вбирающей в себя и образ России, и людское общество, «живое, цельное, нераскрытое». По мысли художника, Она (Красавица-Россия-Катерина – *И.М.*) одурманена «глубоким сном», и «пелена черной смерти в виде фабричной гари занавешивает просыпающуюся Россию» [Белый 1994: 329]. «Пелена черной смерти» – примет её так много, что, кажется, никогда не отступит злой дурман, беспробудный сон. В стихотворениях, многие из которых были написаны раньше статьи «Луг зеленый», часть – одновременно с ней, вошедших затем в цикл «Россия», пробуждения однозначно так и не наступает!

*От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.*

³ Учение о Вечной женственности («Деве Радужных Ворот», «Жене, облаченной в солнце», Софии), сформировавшееся на основе религиозно-мистических представлений В.С. Соловьёва и оказавшее большое влияние на ранние творческие опыты А. Белого, А. Блока, С. Соловьёва, в работе Л.А. Колобаевой получает интересную трактовку с опорой на тексты самих же символистов: «Вечная женственность – начало иное, даже противоположное “космическому уму”, хотя и состоящее с ним в “тайном союзе”, как сказал Блок в статье “Рыцарь-монах”. Другими словами, в основе мироздания лежит начало отнюдь не рациональное, а целостно – эмоционально – нравственное...» [Колобаева 1990: 255].

Покойников ждали и ждут

Пологие скорбные склоны [Белый 1990: 106].

Антитеза сна / пробуждения Красавицы-родины восходит у Белого к противопоставлению подвижнической, творческой, духовно богатой России мертвящей машинизированной действительности, миру стяжательства, наживы, бездушия, в которых страна, общество все больше увязают: «Лик Красавицы занавешен туманным саваном механической культуры, – саваном, сплетенным из черных дымов и железной проволоки телеграфа» [Белый 1994: 329].

Образ паутины-телеграфа, опутывающего, опоясывающего землю, укрывающего её траурными проволоками-лентами, был значим для поэта и во время написания «Луга зеленого», и в период работы над циклом «Россия». В стихотворении «Из окна вагона» (1908) этот образ подчёркивает траурность происходящего вокруг, оттеняет печаль лирического героя:

Поезд плачется. Дали родные.

Телеграфная тянется сеть –

Там в пространства твои ледяные

С буреломом осенним гудеть [Белый 1990: 93].

В неразрывной связи как с унылыми, порою жуткими картинами современной жизни, возникающими на страницах «Луга», затем – доминирующими в цикле стихов о России, так и с «бирюзовыми» надеждами на возрождение Красавицы, не покидающими поэта на каждом этапе его творчества, рождается представление об исторической роли России: «Только тогда, когда будет снесено все, препятствующее этому сну, Красавица сама должна выбрать путь: сознательной жизни или сознательной смерти ...» [Белый 1994: 329].

Таким образом, судьба и роль России в грядущем – в её выборе, несущем либо чаемое спасение, либо неминуемую гибель. В возможность искупления грехов и духовно-нравственного исцеления Белый истово верует, заключая сокровенные мысли в иносказательную форму, одновременно пересказывая и переосмысливая гоголевскую притчу о пани Катерине: «Еще недавно Россия спала. Путь жизни, как и путь смерти, – были одинаково далеки от нее. Россия уподоблялась символическому образу спящей пани Катерине, душу которой украд страшный колдун, чтобы пытать и мучить ее в чуждом замке. Пани Катерина должна сознательно решить, кому она отдаст свою душу: любимому ли мужу, казаку Даниле, борющемуся с иноплеменным нашествием, чтоб сохранить для своей красавицы родной аромат зеленого луга, или колдуну из страны иноземной, облеченному в жупан

огненный, словно пышущий раскаленным жаром железоплавильных печей.

В колоссальных образах Катерины и старого колдуна Гоголь бес­ смертно выразил томление спящей родины – Красавицы, стоящей на распу­ тье между механической мертвенностью и первобытной грубо­ стью.

У красавицы сердце бьется несказанное. Но отдать душу свою не­ сказанному – значит взорвать общественный механизм и идти по рели­ гиозному пути дляковки новых форм жизни.

Вот почему, среди бесплодных споров и видимой оторванности от жизни, сама жизнь – жизнь зеленого луга – одинаково бьется в сердцах и простых, и мудреных людей русских» [Белый 1994: 329]. В этом поэтическом отрывке – и ощущение разрыва между чуждым, «механически-мертвенным» и исконным, «первобытно-грубым» (не предчувствие ли мрачных итогов первой русской революции и великого раскола 1917 года?); и мысль о третьем пути – ином, «религиозном», ведущем к «несказанному» – к новой жизни и новым формам бытия; и догадка о золотом народном сердце, в котором «жизнь зеленого луга» бьется в своей перво­ зданности. Белый утвердил непреложный тезис собственного жизнетворчества – веру в всепобеждающую душу человеческую: «Мы говорим о пустяках, но наши души – души посвященных в тишину⁴ – вечно улыбаются друг другу» [Белый 1994: 334].

Однако Белый не был бы Белым, если бы не ощущал так явственно запустения, не замечал следы разрушения повсюду, где ради благоденствия немногих приносятся в жертву тысячи человеческих жизней. Эти наблюдения получили наиболее мощное отражение в «России» с её торжествующим страшным миром, в котором людское равнодушие и людская беспомощность доведены до абсурда и равно убивают лучшее в человеке, отнимая последнее – надежду на возрождение:

*С огородов над полями
Взмостя лоскут.
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.*

Дни за днями, год за годом:

⁴ Ср. с восторженно-провидческой строкой более раннего стихотворения А. Белого «Солнце» (сб. «Золото в лазури», 1903), посвящённого автору поэтического собрания «Будем как солнце» К.Д. Бальмонту: «Наши души – зеркала, отражающие золото» [Белый 1990: 50].

Вновь за годом год.

Недород за недородом.

Здесь – немой народ [Белый 1990: 91].

Поэт словно ещё больше убеждается в самых страшных своих прозрениях, что «общество – машина, поедающая человечество, – паровоз, безумно ревущий и затопленный человеческими телами» [Белый 1994: 328], что вечно беспокойно небо над Россией:

Сплетается сумрак крылатый

В одно роковое кольцо [Белый 1990: 92].

Безусловно, психологическое состояние Андрея Белого в период с 1904 по 1908 гг. (во время составления цикла «Россия» и написания статьи «Луг зеленый»), неустойчивая, мгновенно меняющая лик действительность этого этапа русской истории объясняют такой поразительный перепад настроений, точек зрения на судьбу родины, русского народа, чем отмечены произведения писателя трагических для страны лет.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Исторический день // Андрей Белый. «Я был меж вас...». М.: Вагриус, 2004. 425 с.

Белый А. Луг зеленый // Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 328–334.

Белый А. Россия // Белый А. Сочинения: в 2-х т. Т. I. Поэзия; Проза / Вступ. ст., сост. и подгот. текста В. Пискунова; Комментар. С. Пискуновой, В. Пискунова. М.: Худож. лит., 1990. С. 89–106.

Блок А.А. Записные книжки: 1901–1920 / Сост., подгот. текста, предисл. и прим. В.Н. Орлова. М.: Худож. лит., 1965. 663 с.

Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.; Л., 1964. 771 с.

Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург»: Монография. Л.: Сов. писатель, 1988. 415 с.

Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.

Пискунов В.М. Миф русского символизма // Андрей Белый. «Я был меж вас...». М.: Вагриус, 2004. 425 с.

Пискунов В.М. Сквозь огонь диссонанса // Белый А. Сочинения: в 2-х т. Т. I Поэзия; Проз. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–42.

Сугай Л.А. «... И блещущие чертит арабески» // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 3–16.